

Շ. Ագայն

Շլ.-կորր. Ակադեմիա նաւ. Արմ. ՏՏՐ

Из истории борьбы азербайджанских и армянских крестьян против феодально-крепостнических отношений после реформы 1870 г.

Крестьянская реформа в Азербайджане и Армении была проведена после реформы 1861 г. в России и 1864 г. в Грузии. Основные положения реформы были те же, что и в России. Царские чиновники имели уже некоторый опыт и потому при проведении крестьянской реформы на Кавказе проявляли большую осторожность. Они опасались, что крепостные крестьяне ответят на это „освобождение“ новыми восстаниями. В Грузии для объявления манифеста „в селение явилась рота солдат, выстроилась в боевом порядке, затем раздавался барабанный бой, под звуки которого народ безмолвно выслушивал слова манифеста“¹.

Крестьянство Азербайджана и Армении настойчиво выражало свое недовольство царской реформой. Волнения крестьян в отдельных уездах начались еще в 1861 г. в связи с изданием манифеста 19 февраля. Известно, например, всеобщее возмущение крестьян Ленкоранского уезда, а развязка которого, как доносил царский чиновник, „была сопряжена с неисчислимым ущербом“².

Борьба крестьян против реформы принимала все более обостренные формы. Крестьяне часто отказывались платить подати и выполнять феодальные повинности, иногда силой выгоняли из деревень помещиков. В таких случаях помещики обращались к мировым посредникам, которые, обычно, при помощи властей „смирляли“ крестьян, арестовывая их руководителей. Помещикам не всегда быстро удавалось „усмирить“ крестьян, и часто возмущения продолжались месяцами, даже годами.

В течение всего XIX в. как помещичьи, так и государственные крестьяне вели упорную борьбу против всех угнетателей во главе с царизмом. Крестьянские волнения в годы реформы во всей Российской империи принимали весьма значительные размеры³.

¹ О. Се м и н, Великая годовщина, стр. 17.

² ЦГИА Азерб. ССР, ф. Эксп. гос. имущ. при Гл. упр. Зак. края, д. I, св. I, лл. 103—104.

³ См. И. И. Игнатович, Крестьянские волнения, Сб. „Великая реформа“, т. III, М., 1911, стр. 46, 64, Е. А. Мороховец, Крестьянская реформа 1861 г., 1937.

Крестьянское движение в Азербайджане и Армении, как до реформы, так и после нее, представляется как процесс непрерывной острой классовой борьбы против местных феодалов и царской самодержавной власти.

Крестьянство не мирилось со своим угнетенным положением и боролось как умело. Однако крестьянское движение редко выходило из рамок своей деревни и уезда. Крестьяне были задавлены тяжелым режимом царской власти, они были скованы отношениями феодального замкнутого хозяйства, не могли ставить общегосударственные революционные задачи. Тогда еще не было рабочего класса, который объединил и возглавил бы борьбу крестьян. Поэтому крестьянство в своей борьбе в лучшем случае добивалось от царизма лишь частичных уступок. Для полного своего освобождения крестьянство должно было начать борьбу вместе с рабочим классом и под его руководством.

Характеризуя крестьянские движения в России, товарищ Сталин писал: „Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели“¹.

Природа крестьянского движения такова, что оно в большинстве случаев выступает локально и раздробленно, не двигаясь дальше своей околицы. Крестьяне не могли думать о создании всеобщего могучего движения, охватывающего целые области и края, они пытались освободить только свои родные места².

Классики марксизма-ленинизма, говоря о слабости крестьянских движений, отмечали, что в крестьянском движении имеется масса темноты и бессознательности, выражающиеся прежде всего в непонимании крестьянином политической задачи движения, в непонимании того, что без основных демократических преобразований социальной жизни страны невозможно добиваться ни свободы, ни получения земли.

Причины, порождавшие крестьянские волнения до реформы, не только не были устранены, но даже умножились в пореформенный период. Крестьяне и после реформы 1870 года оставались под гнетом беков, агаларов и меликов, поддерживающих свою власть в деревне при помощи шаек бандитов (кочи). Оросительная сеть оставалась в руках беков, что имело решающее значение для крестьянских хозяйств. Крестьяне страдали от малоземелья. Беки и появившиеся в деревне ростовщики, пользуясь бедственным положением массы крестьян, разными способами отнимали у них земельные наделы.

После реформы 1870 г. в Армении и Азербайджане классовое расслоение в деревне еще более усилилось, и борьба трудящихся

¹ „Большевик“, 1932, № 8, стр. 37.

² См. Архив К. Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 315.

крестьян против помещиков и царских чиновников приняла более ожесточенный характер.

Нужда заставляла крестьян продавать кулаку, беку или ростовщику свой надел за бесценок. Исследователь Кубинского уезда об этом пишет: „При нормальных условиях продажи, поливная земля идет от 20 до 30 рублей за десятину. Крестьяне продают землю, обыкновенно, по нужде и, большею частью, на удовлетворение долгов, а потому баснословно дешево. Бывали случаи, что за взятую займы рубу (5 пудов) пшеницы уступалось рубовое место покоса (1/2 десятины)“¹.

В этом отношении характерна также жалоба 19 семейств бедных крестьян дер. Юва эриванскому губернатору. Крестьяне в своей жалобе от 27 октября 1890 г. писали: „Мы своими землями пользовались до 1879—1880 гг., но в этих годах по случаю дороговизны мы наши земли частным порядком уступили зажиточным поселянам сел. Юва по ничтожным ценам и некоторым из них выдали бумаги в 5—6 раз более полученных денег, и с этого времени по сие время зажиточные поселяне Юва пользуются нашими землями, а мы бросили деревню и переселились жить по разным деревням Эриванского уезда для добывания пропитания. Эти зажиточные поселяне пользуются нашими землями и повинности требуют от нас...“

Крестьяне писали далее: „Цель введения крестьянского положения 14/16 мая 1870 г. в Эриванской губернии была в том, чтоб устроить быт поселян, между тем... мы совсем разорились и впали в крайнюю нищету...“²

Потеряв свой надел, крестьянин вынужден был арендовать землю у беков и сельских кулаков.

В Кубинском уезде размер наделной земли в среднем составлял от 1 до 2 дес. на душу³.

Крестьяне Казахского уезда, писал А. Д. Ерицов в 1885 г., „страдают малоземельем как в количественном, так и в качественном отношениях,—одни больше, другие меньше. Успешный рост населения, быстрое истощение почвы и редкие урожаи, несоразмерное увеличение крестьянского расхода, лежащего на наделный участок, споры и захваты со стороны, неурядицы во внутреннем общественном распределении угодий,—все это, совместно, возбуждает в стране поголовную справедливую жалобу на недостаток в земле...“⁴

¹ И. Н. Ягодинский, Экономический быт государственных крестьян в южной части Кубинского уезда, Бакинской губернии, См. „Материалы для изуч. экон. быта гос. крестьян Зак. края“, т. II, Тифлис, 1886, стр. 179—180.

² Крестьянское движение в Армении в XIX в., кн. 1-я, док. № 342.

³ Там же, стр. 255, ведомость № 4 о размерах наделов, причитающихся на дым и душу.

⁴ А. Д. Ерицов, Экономич. быт гос. крестьян Казах. уезда, Елисавет. губ., см. „Мат. для изуч. экон. быта гос. крестьян Зак. края“, т. II, ч. II, Тифлис, 1886, стр. 70.

В то же время в том же Казахском уезде русские переселенцы имели 10,35 дес. на душу¹, что превышало почти на 6 дес. установленные царским правительством нормы. Между тем в нагорной полосе Казахского уезда в среднем на каждую душу приходилось около 3 дес. всех родов земли, из коих лишь 0,65 дес. выделялось под пахоту, а на низменности на душу приходилось 0,93 дес. земли.

Но крестьяне не в силах были отстаивать от захвата беков и сельских кулаков даже эти мизерные наделы. Сельские старшины и кедхуды во всем содействовали захвату крестьянских наделов, являясь „при случае, присяжными лжесвидетелями в пользу отчуждения угодий казенных крестьян частным лицам“².

Именно такими методами эксплуататорский класс в деревне захватил в свои руки землю большинства крестьян, которые дошли до крайней бедности и совершенного разорения³.

Документальные материалы показывают, как обманутые крестьяне протестовали против царских административных органов, которые, защищая интересы феодально-помещичьего класса, со всей жестокостью заставляли крестьян платить все подати и выполнять повинности⁴.

Мулькадар дер. Бугамлу, Эриванского уезда, в своей жалобе от 14 апреля 1871 г. на имя мирового посредника сообщает: „...бугамлинское общество, несмотря на неоднократные письменные и словесные распоряжения г. эриванского воен. губернатора, не платит мне мулька за прошлый 1870 год...“⁵ Мировой посредник, разбиравший жалобу, не только не облегчил положение крестьян, но, наоборот, решил взыскать с крестьян подати с штрафом. Долг крестьян он перевел на деньги (600 руб.) и взыскал дополнительно 100 рублей штрафа.

Мулькадар дер. Джанфида, Эчмиадзинского уезда, 19 августа 1872 г. жалуется на то, что крестьяне проявили непокорность и не допускают, чтобы мировой посредник составил уставные грамоты. Он пишет, что крестьяне отказываются платить подати и выполнять повинности, что они „стали скашивать енджу, не допуская... поверенного к поверке и получение мулька. Собрав, таким образом, самовольно произведения, они забрали все в свои дома“⁶.

Чтобы удовлетворить домогания мулькадара, мировой посредник прибег к содействию полиции, которая, однако, не сумела навести „порядок“. Крестьяне, вопреки письменным приказам уездного начальника, вопреки его запрещению, начали молотить хлеба, и

¹ А. Д. Ерицов, указ. соч., стр. 71.

² Там же, стр. 73.

³ Там же.

⁴ См. Крестьянское движение в Армении в XIX веке, кн. I, стр. 161—163.

⁵ Там же, стр. 168.

⁶ Там же, стр. 179.

когда царский чиновник на гумне хотел взыскать мульк, то крестьяне „с дубинками в руках вышли на гумно и стали препятствовать взысканию мулька“¹. По приказанию уездного начальника для подавления выступления крестьян были посланы казаки и всадники, „но и это средство нисколько не помогло в усмирении жителей, которые опять вышли на гумно в числе 200 человек с дубинками и палками в руках, обидели переводчика Авнатамова, толкнули его, разорвали рукав его сюртука, бросили мерку в сторону и, оказав явное сопротивление, прогнали казаков и всадников“².

Реформа 14 мая 1870 г. фактически означала обезземеление крестьян в пользу феодалов и помещиков. Поэтому крестьяне выступали против помещиков и стремились приостановить действия мировых посредников, защищавших интересы помещиков. Исполняющий должность мирового посредника Эчмиадзинского отдела 7 декабря 1873 г. составил протокол, где описывает выступление крестьян, не желавших признать уставные грамоты. Крестьяне отказались также платить подати мулькадару. „Они решительно объявили, что ни земли, ни дохода с нее не дадут, хотя бы посредник и долго жил в деревне“. „Пусть он пишет,—заявляли крестьяне,—мы ничего не боимся“³.

В 1874 г., после составления уставной грамоты, крестьяне деревни Ариндж, Эриванского уезда, отказались платить мульк своему помещику. Тогда мировой посредник написал приказ старшине этой деревни:

„Предписываю вам немедленно по получении сего приказа предложить жителям дер. Ариндж, чтобы они мульк с зерновых произведений, энджу доставили бы в г. Эривань своим мулькадарам, так как они по уставной грамоте обязаны доставить, а в противном случае они подвергнутся взысканию за убытки“⁴.

Мировой посредник Эриванского мирового отдела майор Мелик-Агамалов хотел насильно собрать подати от крестьян деревни Птгни в пользу помещиков. „Но поселяне, подняв общий бунт во главе зачинщиков Рустама Аветова, Мелика Крикорова, Погоса Абрамова и Амбарцума Авакова и заявив, что они не признают никакого учреждения и властей, оказали этим явное неуважение, делали угрозы не допускать никого к скирдам энджи, сказали, что подожгут, пришли в ярость, произнесли разные неприличные и оскорбительные слова...“⁵

Когда чиновник Тер-Маруков с казаками насильно стал отбирать скирды у крестьян дер. Птгни для передачи помещику Рустаму

¹ См. Крестьянское движение в Армении в XIX веке, кн. I, стр. 180.

² Там же.

³ Там же, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 158.

⁵ Там же, док. № 234.

Капрелову, „все поселяне и их жены и дети начали бросать на них камни, бить дубинами...“¹

При наделении крестьян землей помещики забирали лучшие участки и отдавали крестьянам лишь самые негодные к посевам участки. Крестьяне дер. Елгован в письме от 28 марта 1885 г. на имя эриванского губернатора жалуются на безземелье и на то, что земля их состоит из трех ахчей и большей частью непригодна к обработке. Далее они пишут: „...и так как общество наше состоит из 38 дымов, то таковая земля нашей деревни, состоящая из трех ахчей, недостает даже и половины законной пропорции земли на каждый дым, но между тем мулькадары деревни Елгован Капрель Кегамов, Рушан Агаджанов и Вартан Егиазаров прирезавают от нас одну ахчу земли и то удобную, чем вводят нас в крайнюю нищету и бедность и мы будем лишены возможности к существованию...“²

Очень часто беки просто захватывали земли крестьян. Крестьяне-азербайджанцы из д. Каладиби в своей жалобе от 12 марта 1896 г. пишут, что „Куламали бек Ахмед бек-оглы и Кербалай Алибек-оглы, поселившись в нашем селении, захватили из собственно принадлежащих нам земель самые лучшие пять халваров земли и пользуются таковыми, не платя за оные ни в казну, ни нам ничего, отговариваясь, что они происходят из привилегированного сословия“³. Кроме того, эти беки захватили и „всю воду, для поливки своих земель“⁴, оставив крестьян без воды.

Вследствие этих захватов крестьяне дер. Кизил-Булаг, Новобаязетского уезда, „пришли к крайнему разорению“. 2 марта 1900 г. они сообщают: „Агалар дер. Кизил-Булаг Шихали бек стал самовольно пользоваться поливною водою нашего селения и ежегодно прекращает воду, поливая свои земли, а наши наделные земли остаются без орошения, вследствие чего засыхают общественные наши посевы, отчего общество наше терпит большие убытки...“⁵

Таким образом, многочисленные документы со всей убедительностью показывают картину феодально-крепостнических отношений, свидетельствуют о жестокой эксплуатации крестьян местными помещиками, пользовавшимися полной поддержкой царской администрации, и рассказывают о многообразных формах классовой борьбы.

Чтобы отвлечь внимание крестьян от классовой борьбы, сельские беки и кулаки „подстрекают одно общество казенных крестьян против соседнего и между ними завязывается кровопролитный спор, часто из-за двух-трех десятин земли“⁶. Так именно завязался спор в 1884 г. между клычкяндцами и меликкяндцами из-за 12 дес. зем-

¹ См. Крестьянское движение в Армении в XIX веке, кн. I, стр. 281

² Там же, док. № 316.

³ Там же, док. № 337.

⁴ Там же.

⁵ Там же, док. № 850.

⁶ Там же, стр. 74.

ли. Ведение дела в судах по таким спорам очень дорого обходилось крестьянам. Так, например, жителям сел. Ачису „за хлопоты уполномоченных и адвоката“ в 1885 году был представлен счет на 6000 рублей¹, и жители не знали как отделаться от этого долга.

Более 30 лет продолжался земельный спор между жителями сел. Далакянд и Узунтала, Казахского уезда. За это время „на спорном участке не раз происходили побоища, в коих принимали участие даже женщины и дети. При малейшем поползновении одной стороны распахать хотя клочок спорного участка, другая сторона, немедленно вооружившись холодным и огнестрельным оружием, выступала в поход и забирала в плен плуги, скот и даже погоничей“². Обе стороны, сильно нуждавшиеся в земле, в течение 30 лет не могли получить ни малейшей пользы от 35 десятин спорной земли. Наконец, в 1885 году крестьяне обеих деревень заключили договор о пользовании землею на полновинных правах.

По предварительным подсчетам 1885 г. исследователя А. Д. Ерицова, у крестьян Казахского уезда в течение нескольких лет было захвачено беками, агаларами, сельскими кулаками и другими частными лицами около 2630 дес. земли. Очевидно, это не все, ибо иногда „поселяне, руководимые страхом, или другими причинами, часто совершенно умалчивают о захватах и никому, и нигде не жалуются“³.

В 1885 г. количество спорных участков в Казахском уезде достигло более, чем 724 дес.⁴

Недостаток или отсутствие рабочего скота не позволяли крестьянину обрабатывать свой надел, и он сдавал его в арендное пользование. По данным 1885—1886 гг., в Нухинском уезде „число дымов, сдающих наделные земли в аренду, совпадает, большею частью, с числом не имеющих рабочего скота“⁵. Но, с другой стороны, крестьяне, не имея удобной земли, сами арендуют участки, что „вызывается, преимущественно, недостаточностью удобной земли в данном обществе и указывает, следовательно, на малоземелье“⁶.

К началу XX в. в Елисаветпольской губернии в руках кучки беков-помещиков было в 3 раза больше земли, чем у всех крестьян, в Бакинской губернии—2 раза больше. Беки на захваченной земле не старались рационализировать хозяйство. „Примитивные деревянные орудия, примитивная техника обработки земли и общий низкий уровень агротехники вкупе с безземельем, огромными феодальными поборами и жестокой эксплуатацией крестьянства беками, агаларами

¹ См. Крестьянское движение в Армении в XIX веке, кн. 1, стр. 82.

² А. Д. Ерицов, указ. соч., стр. 82—83.

³ Там же, стр. 77—78.

⁴ Там же, стр. 81.

⁵ А. И. Арасханянц. Экономический быт гос. крестьян Нухинского уезда Елисаветп. губернии. См. „Материалы для изуч. экономич. быта гос. крестьян Закавказья“, Тифлис, 1887, т. VI, ч. 1, стр. 38.

⁶ Там же.

и царскими чиновниками обрекали азербайджанскую деревню до революции на голод, нищету и вымирание¹. Беки сдавали участки захваченных земель в аренду тем же ограбленным ими крестьянам. Арендная плата отягощала положение крестьян. На бекских землях она была в 15—30 раз выше, чем та же плата на казенных землях.

По данным 1911 г. видно, что арендные цены росли невероятно быстро. Так, например, если десятину земли в Мугани в конце XIX в. можно было арендовать за 50 р., то уже в 1911 г. надо было за десятину платить по 70—100 рублей.

Положение государственных крестьян в Закавказье после реформы было не лучше положения владельческих крестьян. Если во внутренних губерниях России после реформы государственные крестьяне получили определенные наделы, закрепили их за собой на правах собственности, с уплатой правительству за них выкупных платежей, то здесь происходил захват лучших участков государственной земли частными владельцами, а крестьяне попадали под их власть.

Содержание царских чиновников и войск обходилось населению очень дорого. Жители должны были обслуживать и снабжать войсковые части, расквартированные в своем районе. „Для команд, проходящих и назначаемых временно для содержания караулов“, в 1870 г. было издержано:

по городу Елисаветполю	3940 р. 29 к.
Нухе	669 р. —
Шуше	4894 р. 54 к. ²

Для продвижения этапных команд в Казахском и Елисаветпольском уездах за счет местного земства содержались подрядным способом постоянные подводы³. В том же 1870 г. крестьяне Казахского района выполняли ряд повинностей:

а) Для поднятия тяжестей усиленного этапного следования выставлено на два дня 865 подвод.

б) Для содержания караула при арестантской Казахского уездного управления обратилось 1137 человек, считая на каждого по две недели.

в) Для исправления дорог, мостов и канав выставлено на два дня 673 человека.

г) На счет жителей уезда усилена земская стража 320 человек для охраны почтовых дорог от разбойников и для преследования их⁴.

Такая же повинность выполнялась по Елисаветпольскому, Ширванскому, Нухинскому уездам.

¹ М. Д. Багиров, Из истории большевистских организаций Баку и Азербайджана, 1944, стр. 165.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, д. 155¹, лл. 1—44, отчет елисаветп. губернатора за 1870 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

Положение народных масс ухудшалось еще и тем, что, кроме существующих многочисленных повинностей и налогов, с 9 мая 1887 г. по решению правительства с мусульман начали собирать военные налоги за то, что они не служили в армии. Сумма этого налога на Бакинскую губернию составляла 158.000 руб. И на этот раз основное бремя пало на трудящихся. Они уплатили 117.114 р. 20 коп.¹

В 1886 году подлежало к поступлению по разным ведомостям: недоимок—656.651 р. 21 к., оклада—1.394.031 р. 29 к. и причислений—1.008.411 р. 66 к. Итого 3.059.094 р. 08 к.

Из этой суммы было исключено 770.759 р. 64 к. и взыскано 1.110.737 р. 04 к. Итого 1.881.496 р. 68 к. Кроме того, оставалось в недоимке к 1887 г. 11.177.579 р. 40 к.

Большая часть недоимок, а именно около 3/5 всей суммы, лежала на сельском населении и уездов².

Увеличение недоимок в 1887 г. в Бакинской губернии губернатор в своем отчете объясняет в основном бедностью жителей³.

„Сбор податей,—пишет бакинский губернатор в своем отчете за 1876 г.,—был в отчетном году менее успешен, что объясняется крайне затруднительным экономическим положением населения вследствие неурожая и падежа скота“⁴. Отсталые способы обработки земли не давали возможности поднять урожай. Сохранившийся и после реформы крепостной труд задерживал развитие сельского хозяйства. Поэтому везде отмечалась очень низкая урожайность.

В отношении Бакинской губернии мы имеем следующие данные, показывающие снижение урожайности в послереформенные годы:

Урожай	Пшеница	Ячмень	Рис
1875 г.	сам 9,4	сам 11	сам 23
1876 г.	сам 6	сам 7	сам 1!5

Значительным бедствием для крестьян являлись часто повторяющиеся засухи и болезни скота. Так, например, только в 1876 г. в „Шемахинском уезде пало вследствие бескормилицы более 32 тысяч голов крупного и мелкого скота“⁶.

На положение кубинских крестьян особенно отрицательно влиял катастрофический упадок мареноводства в связи с изобретением алizarина. Бакинский губернатор писал, что в отчетном году оконча-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12/38, д. 467, лл. 65—79.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 5/12, д. 3977, л. 2—5.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ Там же.

тельно выяснился безвозвратный упадок мареноводства. Сбыт маренного корня с 130.000 пудов, проданных в 1875 году, уменьшился до 12.000 пудов в 1876 г., а цены упали до 1 р. 20 к. за пуд, на месте¹.

Основным вопросом, вызывавшим недовольство и волнения крестьян, бакинский губернатор в 1877 г. считает земельный вопрос: „...одну из главнейших причин, поддерживавших в туземном населении недоверие к нам,—пишет он,—нужно видеть в неудовлетворительном разрешении вопроса о наделе землею... распределение земель отличается крайнею запутанностью“².

В этот период постепенный переход кочевых обществ к оседлости, водворение русских поселенцев и некоторые другие причины вызвали необходимость перераспределения существующих наделов и наделение земель новых поселенцев за счет крестьянских масс³. И поскольку межевое дело находилось в запущенном состоянии, а во многих случаях отдельные участки не были вовсе занесены на планы, происходило множество захватов земли, „а это, естественно, породило нескончаемые поземельные споры, как частных землевладельцев с казной, так и сельских обществ между собой“⁴.

Губернатор, заканчивая свой отчет, считает, что „скорейшее усиокоевание населения в отношении поземельного довольствия“⁵ является одной из важных и неотложных задач в связи с создавшимся в крае тревожным положением.

По отчетным данным елисаветпольского губернатора за 1876 г. видно, что население губернии „выполняло, как в прежние годы, следующие натуральные повинности: постоянную подводную, дровяную, дорожную, караульную и конвойную“⁶. Эти повинности были особенно тяжелы для тех деревень, где стояли войска. Таких деревень в Елисаветпольском уезде было 3 и в Казахском тоже 3. Жители этих деревень отбывали „постоянную“ повинность⁷. Это значит, что жители исполняли все, что требовало командование войск.

В Елисаветпольской губернии в 1876 г. было поставлено 22525 подвод. Жители доставили 270 сажени дров для войск. На дорожные работы было выставлено 6632 человека на один день.

В караул „к тюрьмам Зангезурской и Казахской, а также в конвой для сопровождения задержанных в губернии преступников вышло людей 16745 по расчету в один день“⁸.

¹ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 5/12, д. 3977, л. 7.

² Там же, ф. Канц. нач. Гл. упр. нам. Кавк., д. 2634, л. 12—20.

³ Там же, лл. 17—20.

⁴ Там же, лл. 19—20.

⁵ Там же.

⁶ Там же, ф. 5/12, д. 3978, лл. 4—37 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Из натуральных повинностей в Бакинской губернии в 1878 г. можно отметить основные: квартирную, дорожную и подводную. Но кроме этих повинностей на население очень часто сваливали массу непредвиденных и случайных. Так, например, в 1878 г. из Бакинской губернии выставлены были для корпусного транспорта Кавказской действующей армии следующие перевозочные средства¹:

Фургонов	77
Повозок	64
Арб	207
Лошадей	488

После реформы сельское хозяйство продолжало оставаться по-прежнему крайне отсталым.

От тяжелой нищенской жизни в уездах Азербайджана возникло очень много заболеваний среди трудящихся крестьян².

Крестьяне голодали и умирали от голода и эпидемий во время неурожая и других бедствий. Голод и разорение для крестьян стало обычным явлением. „Стонет распухшее от постоянной голодовки русское крестьянство, — писал товарищ Сталин, — обнищавшее вследствие непосильных налоговых тягот, отданное в жертву торгашам-буржуям и „благородным“ помещикам“³.

Большим злом для крестьян являлось взяточничество со стороны царских чиновников. В одном из документов 1873 г. описываются многочисленные злоупотребления ленкоранского уездного начальника Лазича и сообщается, что ко всем „несчастиям жителей присоединяется еще круговое злоупотребление властей и что все чины полиции, начиная со старшины до уездного начальника включительно, берут взятки“⁴.

Таким образом, после реформы положение трудового крестьянства еще больше ухудшилось. К царско-феодальному гнету прибавилось еще угнетение со стороны ростовщиков и кулачества. Классовая эксплуатация еще более осложнилась и усилилась. В. И. Ленин неоднократно отмечал, что крестьянство ни в какой стране не переживало и после „освобождения“ такого разорения и нищеты, как это имело место в России. Такое тяжелое положение крестьян объяснялось тем, что в России и особенно в таких окраинах империи, как Азербайджан и Армения, остатки крепостничества продолжали довольно сильно давить крестьянские массы. Крестьяне

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. Канц. нач. Гл. упр. нам. кавк., св. 6025, д. 4760, лл. 13—15.

² „Мшак“ от 16 VIII—1873 г. „Письмо из Шемахи“.

³ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 21.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 6, д. 198, л. I, „Записка по делу ленкор. уезд. начальника капитана Лазича, обвиняв. в преступл. по должности, от 21/23 октября 1873 г.“

страдали „не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещика и от остатков крепостничества“ (В. И. Ленин).

Характерно, что, начиная с 1870 г., когда был издан закон 14 мая, крестьянские волнения на некоторое время ослабли. Крестьяне не могли еще ясно себе представить сущность этой „освободительной“ реформы и надеялись получить землю и свободу. С этими иллюзиями они жили и в начале 1871 года, когда началось уже проведение в жизнь Положения. Позднее, в 1872 году, когда крестьяне почувствовали уродливый крепостнический характер реформы, тогда сразу же значительно усилились крестьянские волнения и выступления, которые именовались царскими чиновниками „преступлениями“ и „грабежами“. Крестьяне перешли от пассивных форм сопротивления к прямым выступлениям против своих классовых врагов.

Елисаветпольский губернатор с тревогой сообщал: „Увеличение числа преступлений по грабежам, по ранениям, кражам из года в год возрастает все более и более“.

Число пожаров по губернии увеличилось сравнительно с 1869 годом на 116, в частности в Нухинском уезде большинство этих пожаров, как сообщал губернатор, „должно быть отнесено не к случайностям непредвиденным, а к умышленному поджигательству... Добычею пламени делаются не только жилища, сколько сельскохозяйственные заведения: черво-испытательные сараи, мякинники и рисовые толче“¹.

Число пожаров в 1872 г. в Елисаветпольской губернии достигло 480, из коих на один Нухинский уезд приходилось 395².

Полицейская охрана и репрессии все больше и больше усиливались, но волнения крестьян росли с каждым днем. Об усилении полицейской слежки свидетельствует тот факт, что ею были раскрыты дела по поджогам:

в 1871 г.	54 дела
в 1872 г.	69 „
в 1873 г.	91 „ ³

Из года в год увеличивалось число „преступных актов“ в Елисаветпольской губернии, из коих 70—85% носили характер классовой борьбы:

1868 г.	417 случаев
1870 г.	628 „
1871 г.	575 „
1872 г.	770 „ ⁴

¹ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, д. 1551, лл. 1—44.

² Там же, ф. 5/11, д. 2374, л. 5—35, „О доставлении елисаветп. губернат. всеподдан. отчета за 1872 г.“

³ Там же, ф. 5/12, д. 2638, лл. 8—10, отч. елис. губернат. за 1873 г.

⁴ Там же, д. 2374, лл. 5—125, отчет елисавет. губернат. за 1872 г.

Волнения в Нухинском уезде усилились особенно в 1873 году. Причину этого елисаветпольский губернатор объяснял бегством качагов из шушинской и елисаветпольской тюрем, а также „брожением умов в Нухинском уезде и неблагонамеренных людей, направленных к разжиганию вражды между тамошними жителями“¹. Нухинские крестьяне одним из главных методов „мщения“ и упорной классовой борьбы сделали поджоги помещичьих усадеб² и всего того, что принадлежало бекам. В Нухинском уезде „необузданные страсти жителей сосредотачивали всю свою мстительность на зажигательстве, — пишет губернатор. — В отчетном году было 403 пожара, или несколько более 83% общего числа пожарных случаев в губернии...“³

В отчете елисаветпольского губернатора кн. Чавчавадзе показано, что в 1876 г. из 930 случаев таких „преступлений“ по всей губернии 908 падает на крестьян⁴. Эти „преступления“ являлись результатом земельных споров с беками. В том же отчете отмечается, что в губернии за тот же год было 169 случаев пожара, из коих 18 от неосторожности, 37 от других причин, а 114 случаев от поджога крестьянами имущества своих классовых врагов. Сумма убытка от пожаров составляла 32.710 руб.⁵

Любопытно, что наибольшее число пожаров возникало именно в тех уездах, где вопрос о земле стоял наиболее остро, где феодальный гнет более тяжело давал о себе знать. Это в первую очередь наблюдалось в Нухинском, Елисаветпольском, Шушинском, Джеванширском уездах⁶. С другой стороны, борьба за землю более сильно проявлялась в тех уездах, где раньше начали развиваться товарно-денежные отношения. В этом отношении Нухинский уезд шел впереди⁷, т. к. там торговля шелком достигала значительных размеров. Крестьяне часто целыми обществами отказывались платить подать. Недоимки Елисаветпольской губернии в том же 1876 г. составляли 448.078 руб. 29¾ коп.⁸

В таком же трудном положении находились и крестьяне Бакинской губернии.

Начиная с 1872 г., крестьянские волнения усиливаются во многих уездах Бакинской губернии, в особенности в Кубинском уезде, где убийства, грабежи и поджоги стали повторяться весьма часто, причем губернатору было дано указание „обратить особенное внимание на кубинские дела“⁹.

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 5/12, д. 2638, лл. 80—93.

² „Кавказ“, №№ 246, 247, 1878. „Поджоги и увечье скота у закавказских мусульман“.

³ Там же.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 5/12, д. 3978, л. 56—57 об.

⁵ Там же, л. 59—60.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 40—41.

⁸ Там же, лл. 52—53.

⁹ Там же, д. 2376, лл. 4—6, отчет бак. губернат. за 1877 г.

Бакинский губернатор в своем отчете жалуется на то, что с наступлением весны 1872 года „преступления“ начали повторяться „так часто и в таком числе, что обратили внимание главного начальника края и настоятельно требовали энергичных мер для восстановления безопасности имущества и самой жизни мирных граждан. О громадном развитии преступлений, преимущественно в первой половине года, можно судить по тому, что в период с 1 января по 1 октября совершено 1254 преступления (в 1870 г. их было всего 864—Ц. А.) и в том числе одних грабежей, разбоев и убийств 593. При этом нужно иметь в виду, что наибольшая часть грабежей и убийств совершена в одном только Кубинском уезде, именно 312¹.

В Бакинской губернии в 1872 г. насильственных смертей было 169, из них „113 или 67% падает на Кубинский уезд, в котором было особенно сильное развитие преступлений“². Здесь, так же, как и в Елисаветпольской губернии, одной из форм борьбы крестьян являлись поджоги имений помещиков-беков.

„Поджоги, — писал бакинский губернатор, — занимают одно из первых мест в числе ежегодно совершаемых преступлений и многочисленность их объясняется тем, что поджог служит весьма удобным и легким средством мести...“³ Число поджогов в Бакинской губернии в 1872 г. составляло 480 случаев. Полиция установила строгую слежку и ночные дежурства в тех деревнях, где часто замечались случаи поджога вследствие обострившихся классовых противоречий. Но это не могло предупредить пожаров в помещичьих имениях. И, как отмечает бакинский губернатор, в 1873 году „замечается... увеличение поджогов, на что нельзя не обратить внимания“⁴.

Многочисленные мероприятия царских властей и беков, конечно, не могли остановить крестьянское движение в Азербайджане.

В 1878 г. „особенно разрушительные случаи пожара были в Кубинском уезде, в слободе уроч. Кусары...“⁵, где был сожжен 61 дом с разными пристройками с убытком в 101.365 р.⁶ Ущерб от этих пожаров часто достигал огромных размеров⁷. Число убийств беков и других классовых врагов в том же году в Кубинском уезде составляло 120 человек.

В Бакинской губернии в 1883 г. число „преступлений“ простирается до 2697, более предшествовавшего года на 1354, т. е. более чем в два раза⁸.

Насколько обострились крестьянские выступления в порефор-

¹ ЦГИЛ Груз. ССР, ф. 5/12, л. 2376, лл. 28—29.

² Там же, л. 28—29.

³ Там же, л. 20—21, отч. бак. губернат. за 1872 г.

⁴ Там же, ф. Канц. нач. гл. упр. нам. кавк., д. 2631, лл. —7.

⁵ Там же, св. 6025, д. 4760, лл. 14—18.

⁶ Там же.

⁷ „Мшак“, 16/V—1871 г.

⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12/38, д. 467, лл. 55—79.

менный период показывает тот факт, что в 1859 г. число убийств в Бакинской губернии составляло всего 56 случаев¹.

В отчете губернатора за 1888 г. прямо указывается, что „количество совершенных в отчетном году преступлений против чужой жизни в совокупности с числом преступлений против чужой собственности определяется в 85,1%, на долю же прочих за сим преступлений приходится только 14,9%“².

В эти годы борьба крестьян против феодалов принимает острый характер и в Геокчайском уезде. В том же 1876 г. поджоги владельческих имений принимают здесь довольно широкие размеры. Так, из общего числа поджогов (271) в губернии на Геокчайский уезд падает 162³.

При межевании и наделении крестьян землей часто наблюдались убийства местных начальников: так именно был убит в 1872 г. начальник Хасав-Юртского округа полк. Петухов, а помощник его капитан Юзбашев был ранен⁴.

Большинство споров возникало за землю и за воду⁵. В 1876 г. елисаветпольский губернатор вынужден был подчеркнуть необходимость издания законоположения о правилах пользования оросительными средствами. Отмечая огромное значение орошения в Азербайджане, он писал: „В настоящее время вода, получаемая из рек, разделяется между нуждающимися в поливке особыми канавщиками (джеварами), допускающими большие неправильности и злоупотребления, для устранения коих, хотя и назначаются по отдельным бассейнам особые надзиратели (мирабы), но в большинстве случаев цель не достигается и мелкие землевладельцы и поселяне бедствуют и даже разоряются“⁶. Из-за воды в „тяжелые годы общее число преступлений значительно увеличивается множеством дел о драках с поранениями и убийствами...“⁷

Фактические данные показывают, что „кражи и захваты воды, несоблюдение очереди и насилия, как последствия недостатка воды, порождают такие споры и преступления, пред которыми бледнеют тяжбы о захватах земель...“⁸ По данным судебных органов 1885 г., половина всех возникших уголовных дел была связана с вопросами орошения и водопользования. Борьба из-за воды сопровождалась драками, избиениями, убийствами и порождала нескончаемую вражду, фамильную месть, „качагство“⁹.

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. Кавк. комит., д. 16, 1861, л. 115.

² Там же, ф. 12/38, д. 467, лл. 56—79.

³ Там же, ф. 5/12, т. 3977, л. 5.

⁴ Там же, ф. 416, оп. 3, д. 128, л. 1.

⁵ „Мшак“, 16/V—1874 г.

⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 5/12, д. 3978, лл. 4—15.

⁷ Там же.

⁸ А. Д. Ерицов. Экономический быт гос. крестьян Казанского уезда Елисаветп. губ., см. „Матер. для изуч. эконом. быта гос. крестьян Зак. края“, т. II, ч. II, стр. 86.

⁹ Там же.

В тяжелые годы и во время несчастных случаев правительство оставляло жителей на произвол судьбы, зато жители соседних деревень, особенно армяне, азербайджанцы и русские, помогали своим братьям. Так, например: 11 августа 1872 г. в молоканской деревне Карабулаг, Шушинского уезда, возник большой пожар, из 24 домов выгорело 22. Жители остались без крова. К ним на помощь пришли жители соседних азербайджанских селений и „оказали погорельцам, хотя и не единоверцам своим, весьма радужную помощь ссудою из зернового хлеба и съестных припасов“¹.

В 70—80-х гг. происходили крестьянские возмущения против беков в ряде мест—в районах Шамхора, Тауза, Казаха, Нахичевани. В то же время судебные органы были завалены жалобами о земельных и водных тяжбах сельских обществ с беками. Крестьяне нередко посылали ходоков в Тифлис к наместнику кавказскому и даже в Петербург к „падишаху“, т. е. к царю, жаловаться на притеснения беков и чиновников на местах. Но вскоре крестьяне убедились в бесполезности этих жалоб и в том, что царь и наместник защищают интересы беков. С другой стороны, это обстоятельство способствовало революционизированию закавказского крестьянства, что привело позднее к его участию в революции 1905 г.

Мы видим таким образом, что после крестьянской реформы борьба крестьян за землю не только не прекращается, а наоборот, еще более усиливается. Эта борьба усиливается внутри каждого общества, развертываясь против тех мероприятий, которые предпринимались со стороны правительства в связи с реформой в Азербайджане и Армении.

Один из чиновников мирового посредника Ереванской губернии в своем рапорте от 19 августа 1872 г. сообщает, что он с двумя казаками побывал в селе Бугамлу для определения земли мульткадара Мамед-аги, однако жители даже не допустили их войти в село, предупредив при этом, что „кого бы ни послали сюда по поводу мульткадара,—они будут оскорблять и бить и даже убивать“².

О тяжелом бекском гнете в описываемый период ярко говорит стихотворение поэта Сабира „Экинчи“:

„Что работал ты много, но нечего есть—не тверди!
Если правда, что ты умираешь, то к чорту иди!
Нет пшеницы—из глаз доставай! Мне плевать на дожди!
Добывай мне пшеницу любой ценой, экинчи!
А не то разочтешься спиной, экинчи!
Не имеешь,—так что же? Тебя я убью, но возьму!
Выву к чорту глаза и печенку твою, но возьму!
Плетью голое тело твоё обовью, но возьму!“

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 5/12, д. 2374, лл. 5—125.

² ЦГА Арм. ССР, ф. 7/70, д. 417, л. 43.

В конце 70-х годов взбунтовались против своих беков искиендербековы крестьяне с. Куши, Казахского уезда¹. Крестьяне пользовались бекской землей на арендных началах, но беки продолжали эксплуатировать их как крепостных. Крестьяне не могли дольше терпеть рабских условий жизни и подняли восстание с целью освобождения от ига угнетателей. Выступление крестьян возглавляли Мешади Усеб Муршид оглы, Кербалай Керим Шах Кули оглы, Мохбали Мамед Гасан оглы и др. Но вскоре к бекам подоспел на помощь отряд казаков, и силой оружия выступление крестьян было подавлено, а их руководители были арестованы.

Известны выступления крестьян против помещиков Зюльгадаровых в селении Хилхналы, Шамхорского уезда. Эти выступления возглавляли Гаджи Ахмед Гасан оглы, Биджоф Садых и др. Крестьяне требовали земли и воды. Но каждый раз беки с помощью царских властей подавляли выступления крестьян и арестовывали „опасных“ лиц.

В 80-х годах началось возмущение крестьян села Карабулах против землевладельца Шабан Ага Шахибекова. Когда крестьяне убедились, что мирным путем ничего не могут добиться, в 1888 году они силой выгнали бека и захватили землю. Бек подал в суд, но так как он не мог доказать своих прав на землю, то царское правительство, учитывая напряженное положение, вынуждено было эту землю оставить за крестьянами.

В 1881 г. крестьяне селения Ов-Сизли, Таузского участка, поднялись на борьбу против своих эксплуататоров—беков Султановых и др. Во главе крестьянских выступлений стояли Байрам Аги Багир оглы, Кербалай Касум Мамед оглы, Кербалай Абдулла Али оглы.

Беки решили убить руководителей и обезглавить крестьянскую борьбу. В 1882 г. один из руководителей крестьян Кербалай Мамед Касум Мамед оглы был ранен подкупленными бекскими агентами. Беки угрожали также и другим руководителям крестьян. Царские чиновники и мировые посредники потворствовали бекам и старались успокоить крестьян. Когда крестьяне увидели, что другого выхода нет, они решили объявить бекам бойкот, т. е. отказались отдавать своих сыновей и дочерей им в слуги. В течение 10 лет беки нанимали слуг и нукеров из других сел.

Крестьяне сел. Джеглы, Шемахинского уезда, не вытерпев бекского произвола, вынуждены были уйти из этого селения. В своей жалобе наместнику они писали: „...мы, оставив свои движимые и недвижимые имущества... поселились на кишлаге под названием Абдул-Баги, он же Санджак, который взят нами в откуп от шемахинца Артемия Серебрякова“². Крестьяне в этом кишлаге вырыли себе подземные жилища, частью ютились в пещерах, но возвратиться в

¹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. Канц. елисаветп. губернат., д. 49 и др.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 220 (67), д. 172, л. 6, прошение джеглинцев наместнику кавказскому.

имение бека категорически отказались, указывая в жалобе, что это значит погубить себя под бекским игом¹. Крестьяне закончили свою жалобу словами, показывающими всерастущий классовый гнев крестьян к бекам. Они писали: „...мы столько не пострадали от холеры, землетрясения, упадка скотины, как от злоупотребления Омар бека“².

В тогдашних условиях экономической и политической отсталости страны невозможно было организовать массовое движение. Поэтому протесты крестьян очень часто принимали форму „качагства“; среди качагов в районе Казах-Шамшадиль известны Кор-Джамал, Исмаил, Даш-Дамыр и др. Из Казахского уезда в 80-х годах вышел также известный качаг Тангриверди.

Периодическая печать того времени изобилует материалами о качагстве³. Так, в отделе „Внутренние известия“ газета „Мшак“ отмечала, что в 1873 году во многих уездах качагство имело большое распространение, проникало даже на окраины г. Тифлиса⁴.

Качаги нападали на царских чиновников и местных беков.

В последней четверти XIX в. были известны качаги: Дали Али и Канбар в районе Елисаветполя, Карам в Казахском уезде, Сулейман и Муртуза в Карабахе, Юсуф в Закатальском округе, качаг Наби в Зангезуре, Молла-Юсуф-Керим-Эфенди-оглы Куткашенский в Нухинском уезде и др⁵. Многие из них десятки лет вели упорную борьбу против угнетателей и благодаря поддержке народных масс были неуловимы.

Особой популярностью пользовался качаг Наби, выходец из трудящихся крестьян Зангезурского уезда. Он вместе со своей героиней-женой в продолжение 30 лет вел вооруженную борьбу против царских властей. Против него выставлялись целые войсковые отряды, но отважный Наби с группой смельчаков и горсточкой преданных ему людей наносил карательным отрядам жестокие поражения. Память об этих героях долго жила в народе, который сложил о них прекрасные песни и легенды. В памяти многих старожилов и донныне сохранились эти песни. В народных песнях имена многих качагов, и особенно имя качага Наби, упоминаются как имена друзей народа. Один крестьянин, заключенный в бакинскую тюрьму при царской власти, писал:

„Из Чемберикенда видел Баил,
Я объят желанием видеть Ганджу,
В эти дни пришел бы ты, мой Наби,
И пробил бы стену тюрьмы, Наби“⁶.

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 220 (67), д. 172, л. 7.

² Там же

³ См. газ. „Кавказ“ за 1875 г., журнал „Порц“, № 2, 1877—78 г., стр. 362 и др.

⁴ „Мшак“, 6/IX—1873 г.

⁵ „Кавказ“, № 106, 1878 г.

⁶ Единый Партархив ЦК КП(б) Азербайджана д. 1, св. 1, лл. 92—93.

Часто недовольные крестьяне, не вытерпев царского гнета, бежали к качагам и жили вдали от эксплуататоров на воле в горах.

Наместники Кавказа и другие чиновники в своих отчетах и докладных записках часто жаловались на создавшиеся осложнения в связи с усилением движения качагов. О действиях качагов во „всеподданнейшей записке“ кавказского наместника графа Воронцова-Дашкова сообщалось: „...в Елисаветпольской губернии, Закатальском округе, Приморской части Дагестана и Бакинской губернии беспрепятственно хозяйничали многочисленные разбойничьи шайки, под предводительством успевших прославиться на весь Кавказ за много лет своей деятельности атаманов, как, например, Дали Али или Юсуф“¹.

Качагство особенно сильно распространилось в 70—80-х годах в Кубинском уезде. В особенности со времени крестьянского выступления 1877 г. деятельность этих крестьянских храбрецов „почти не прекращалась, хотя временами, под влиянием тех или других исключительных мер, она несколько и стихала, как это было, например, в 1882 г., когда главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа князь Дондуков-Корсаков, лично прибыв в Кубу и снабдив местную администрацию весьма широкими полномочиями, предоставил ей для осуществления этих полномочий также и достаточные военные силы в виде нескольких сотен дагестанского конно-иррегулярного и Кавказского военного полков“². Даже концентрация значительных войск не могла ликвидировать крестьянское движение. Как указывает бакинский губернатор в вышеуказанном отчете, число качагов все больше увеличивалось за счет новых беглецов-каторжников, бежавших из Сибири, которые, „как люди вполне опытные в этом деле, весьма скоро успели придать и без того почти готовым уже шайкам вполне прочную организацию... имели достаточно времени и возможности надлежащим образом укрепить и подготовить себе содействие и помощь местного туземного населения“³.

„Словом, весь уезд был охвачен неразрывной сетью разбойников и поддержателей их, каковыми являлись многие обыватели уезда как ради страха, так и ради сочувствия...“⁴ Кубинские качаги-народные храбрецы вели упорную борьбу с местной властью. Они старались освободить политических заключенных кубинской тюрьмы. В мае 1888 года арестанты кубинской тюрьмы убили часовых и организовали побег заключенных крестьян из-под стражи, причем бежал „один из выдающихся предводителей“ качагов Наср-Эдин бек⁵.

Это случилось в ночь с 28 на 29 мая 1888 года; арестанты не-

¹ Единый Парта́рхив ЦК КП(б) Азербайджана, д. 1, св. 1, л. 95.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 12/38, д. 467, лл. 55—79, отчет бак. губернат. за 1888 г.

³ Там же.

⁴ Так же.

⁵ Там же.

скольких камер, потушив в камерах лампы, мгновенно сломали двери и вышли во двор. Стоявший на дворе караул стал стрелять в арестантов. Затем прибыла военная команда и полиция. Тюрьма была оцеплена и в таком положении находилась до рассвета. Из солдат и полиции в эту ночь двое были убиты и трое тяжело ранены, а из арестантов было 4 убито и 4 ранено.

Бакинский губернатор приказал кубинскому уездному начальнику „в случае, если бы жители какого-либо селения позволили себе обнаруживать сочувствие разбойникам, оказывая им содействие в доставлении приюта и продовольствия, немедленно же испрашивать у меня разрешения о назначении в такие села в виде экзекуции военных команд“. И далее губернатор указывал, что „каждый житель, раз замешанный или заподозренный в соучастии в каком-либо преступлении, должен быть навсегда лишен права носить оружие“¹.

После проведения в Кубинском уезде чрезвычайных мер число качагов удалось временно сократить.

Как правило, эти разрозненные крестьянские выступления кончались неудачей. Они носили стихийный, неорганизованный характер. В. И. Ленин, касаясь подобных выступлений крестьян, писал: „...это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных *политических* требований, т. е. без требования изменить *государственные* порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было *не подготовлено*. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями“².

Товарищ Сталин писал в 1901 году: „...русское крестьянство еще забито вековым рабством, нищетой и темнотой; оно просыпается лишь теперь, оно еще не поняло, где его враг“³. Эта оценка, данная И. В. Сталиным положению русского крестьянства в начале XX века, в еще большей мере относилось к положению азербайджанских и армянских крестьян.

Как мы видели, причиной крестьянских выступлений как в Закавказье, так и во всей России являлся невыносимый социальный гнет, особенно усилившийся после крестьянской реформы. По этому поводу Ф. Энгельс писал, что „...положение русских крестьян, со времени освобождения от крепостной зависимости, стало невыносимым и весьма шатким, и что уже по одному этому в России нужно ожидать революции—это несомненно“⁴.

Крестьянская масса Закавказья всегда боролась против своих угнетателей, она боролась за свободу и за землю. „Когда было крепостное право,—писал В. И. Ленин,—вся масса крестьян боро-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12/38, д. 467, лл. 50—79, отчет бак. губернат. за 1888 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 3-е, стр. 312.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 22—23.

⁴ Ф. Энгельс, О социальном развитии России; Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о первобытном обществе, 1934, стр. 118.

лась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли¹.

Приведенные документы показывают, что крестьянство Закавказья как до проведения крестьянской реформы 1870 г., так и после нее продолжало оставаться в униженном, кабальном положении. В. И. Ленин указывал, что после крестьянской реформы крестьяне „остались без прав, остались низшим, податным, черным сословием, остались в когтях у крепостной кабалы. И крестьяне продолжают волноваться, продолжают искать полной, настоящей воли“².

Борьба крестьян не могла увенчаться успехом, поскольку тогда пролетариат, как класс, который должен был освободить трудящихся от гнета и порабощения, только что начал формироваться. И. В. Сталин пишет: „Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели“³.

Тем не менее не прекращавшаяся борьба закавказских крестьянских масс против феодально-крепостнических отношений подтачивала основы власти закавказских эксплуататоров и их царских покровителей. После крестьянской реформы создавались более широкие возможности для развития капитализма и для формирования пролетариата, как класса, усилилась и классовая борьба. В И. Ленин отмечает, что „после отмены крепостного права успела вырасти новая классовая борьба, *борьба пролетариата с буржуазией*“⁴. Эта борьба закаляла трудящиеся массы деревни, подготавливала их к решающим боям совместно и во главе с закавказским и российским пролетариатом,—к боям, приведшим к свержению царизма и капиталистических отношений, к победе советского общественного и государственного строя.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384.

² Там же.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 112—113.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384. О формах и методах классовой борьбы в деревне в период капитализма нами подготавливается к печати особая работа.